
Обо всём и ни о чём
Маленькие истории начинающего писателя
Энн Прокконен

Энн Прокконен

Обо всём и ни о чём. Маленькие истории начинающего писателя

«Автор»
2026

Прокконен Э.

Обо всём и ни о чём. Маленькие истории начинающего писателя / Э. Прокконен — «Автор», 2026

Эта книга - моя шкатулка с сокровищами. В ней бережно хранятся истории, которым давно пора было выйти из тени: юношеские рассказы, годами ждавшие своего часа в старых тетрадях, стихи, рождённые порывом сердца, новые истории, которые настойчиво просят быть услышанными, и мысли, что не дают уснуть по ночам."Обо всём и ни о чём" - калейдоскоп жанров, настроений и эмоций. Разные ситуации, разные голоса, но все они о том, что для меня по-настоящему важно. Пусть эти страницы станут уютным уголком для тех, кто любит истории.

© Прокконен Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Приветствие 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Энн Прокконен
Обо всём и ни о чём. Маленькие истории начинающего писателя

Приветствие

Жила на свете девочка, и однажды мама принесла ей красивую розовую тетрадь. Девочка стала записывать туда стихи, строчки из песен, цитаты из книг. А затем начала вносить свои мысли, первые наброски стихов, первые рассказы – такие нелепые, порой неоконченные, а порой слишком грустные. Когда тетрадь закончилась, она пошла, купила точно такую же, склеила их вместе, и продолжила своё занятие.

Она писала на уроках, скрываясь от учителей и спасаясь от нелюбимых предметов. Она писала тёмной ночью под одеялом с фонариком под подбородком, задыхаясь от нехватки воздуха. Писала на траве в деревне, под палящим солнцем на море, под звуки дождя, барабанящего по крыше и окнам. Она исписала три толстые тетради, склеив их между собой, настолько, что эта шаткая конструкция уже перестала нормально закрываться. Там была и её радость, и её боль, и её счастье, и её страдания. Девочка ходила такая гордая, прижимая к груди своё сокровище.

Пока не сломалась.

Бумага горела неохотно, сопротивлялась, огонь никак не хотел заниматься, будто ждал, что я передумаю. Даже ветер, задувая крошечные зачатки огня, останавливался, когда листы медленно тлели.

— Да что ж такое?!

Я злобно потыкала в несчастную тетрадь палкой, из-под тетради послышалось ответное злобное шипение:

— Что ты, по-твоему, делаеш-ш-шь?

— Избавляюсь от тебя!

— Зачем?

— Затем, что больше видеть тебя не могу! – я зажгла очередную спичку и поднесла её к бумаге. – Не хочу больше читать весь этот бред! Ты – просто сборище моих неудач и сопливых жалоб!

Ветер подул, перелистывая тлеющие страницы, отчего вверх устремился небольшой сноп искр и светлый дым — будто горело что-то чистое, невинное. Я разглядела цитату из любимого произведения: «Рукописи не горят».

И отвела глаза.

— Ещё не поздно – прошептал ветер, дуя достаточно сильно, чтобы перелистывать хрупкие страницы, но недостаточно сильно, чтобы они тлели быстрее.

Я только фыркнула:

— Зачем она мне? Потрёпанная, ненужная. Глупости это всё. Я больше не хочу изливать никому душу, особенно безликим страницам. Хватит с меня.

Огонь возмущённо вспыхнул на мгновение, но тут же потух, осознав свой порыв.

— Глупая! В ней ес-с-сть сама жизнь! В ней твоё прош-ш-шлое, она знает твою душ-ш-шу…

— Вот именно! – перебила я упрямца. – А мне не нужна такая свидетельница! Хочу всё забыть!

— Не делай этого!

— Попробуй меня остановить!

Я поднесла ещё одну горящую спичку, но тут огонь вспыхнул, перебросившись на маленькую деревянную палочку, и обжог мне руку. Вскрикнув и отдернув пальцы, я только сильнее разозлилась.

— Вам-то что до неё? Пусть горит! Даже если я захочу снова писать, я возьму новую, напишу заново.

— Такой больш-ш-ше не будет! – послышался возмущенный шёпот ветра, своим дуновением потушившего разбушевавшийся огонёк. – Это твоё начало, то, что даровано тебе самой судьбой.

— Ах, судьбой?! – воскликнула я, радуясь, что далеко от края города и никто меня не услышит. – А что же эта самая судьба не позаботилась, чтобы я продолжала этот путь? Зачем мне испытания, от которых писать хочется всё меньше?

— Разве меньше тебе хотелось писать? – спросил огонь, угольками блуждая по страницам. – А может, просто тексты стали такими пронзительными, что тебе больно их читать?

— Именно! Зачем мне реветь всякий раз, когда я открываю её?

— А разве рассказы не должны трогать душу? Разве не должны они заставлять чувствовать радость, грусть, смех и слёзы? Разве не проявление эмоций считают лучшей оценкой для книг?

— Но почему так? Почему я должна обязательно страдать, чтобы писать?

— Все шедевры написаны болью, — прошептал ветер. – Но это необязательно. Ты только начала, твои способности только развиваются. Возможно, со временем ты найдёшь и другой источник своей силы.

— А я не хочу так! Не хочу постоянно страдать! Хочу быть свободной и счастливой! Не хочу ничего развивать! Хочу избавиться от неё!

Наступило молчание.

— Да будет так, — тихо сказал ветер и подул.

— Да будет так, — повторил огонь и вспыхнул, за секунды поглощая исписанные страницы.

— Да будет так! — прозвучал новый голос из дыма, поднявшегося над кучкой пепла. – Только знай, что всю жизнь за этим даром ты будешь гнаться, да так и не догонишь, пока не признаешь вину свою.

Я закатила глаза и дунула на пепел, чтобы он разлетелся над травой, над крышей ненавистной лачужки, чтобы утонул в чистом озере. Выжженую землю я прикрыла листвой, с презрением оглядела место, где всё началось, а теперь здесь похоронена часть моей души.

И, отвернувшись, зашагала прочь.

****

— Ну прости меня, — с мольбой прошептала я.

— Нет.

— Я же не знала, что это ты.

— И что с того?

— Я была зла и несчастна.

— Меня это не касается.

— Почему ты сразу не сказала?

— А я злопамятная. И мстительная.

Прошло много лет. Другой город, другая жизнь. И нескончаемые попытки удержать Музу хотя бы на пару дней. Сотни ненаписанных историй. Тысячи бессонных ночей в плену ярких идей — и полная пустота, когда садишься писать. Ощущение успеха на губах, несколько глав на подъёме, а затем тишина, заброшенные миры и персонажи. Столько раз Муза позволяла мне загореться идеей, сесть за стол, написать несколько строк, а затем исчезала, уступая место

внутреннему критику, синдрому самозванца, ненависти к себе и своим творениям. Чем только я не пыталась её завлечь – чаем с шоколадом, аффирмациями и заклинаниями, уговорами и мольбами. А она то появлялась, то исчезала, улыбаясь так хитро, так мстительно.

Только сейчас я поняла суть этой улыбки.

— Это ты была в том дыму.

— Естественно, я. Я родилась с первой страницы той тетради. Росла несколько лет, обрастала характером, предпочтениями. Собирала всякие мелочи. А потом ты сожгла мой дом. Сожгла то, что связывало тебя со мной, то, с помощью чего ты всегда могла меня позвать, поговорить со мной. И я помогала тебе. Я любила тебя. А ты просто сожгла дотла эту любовь. А из-за чего? Из-за какого-то дурака?

— Мне было больно.

— Тебе нравилась эта боль, иначе бы ты к ней не возвращалась. Ты отказалась от своего дара, но тут же попыталась его вернуть. А я говорила тебе, что ты будешь гнаться за ним всю жизнь, только не догонишь.

— Но ты всё равно осталась со мной.

— У меня выбора нет, — бросила Муза. – Я тобой создана, с тобой и исчезну. Зато вполне могу попортить тебе настроение, исчезая в самые ответственные моменты.

— Ты мстишь?

— Конечно! Я удивлена, как долго до тебя доходило! Ты же считаешь себя умной!

Я потупила голову, а Муза с презрением отвернулась, взмахнув длинными волнистыми волосами цвета вороного крыла. Её платье до самого пола колыхалось без всякого ветра. Изначально оно было белое, затем покрылось красными вышитыми цветами, а сейчас на нем мерцало, переливалось золотистое пламя. Оно и раньше появлялось незадолго до того, как она исчезала, но я не обращала на него внимания, и уж точно не связывала с теми событиями.

— Прости меня, — повторила я еле слышно.

— Нет.

— Слушай, мне правда жаль. Я была маленькая и глупая. Я столько раз уже пожалела о той тетради, ты же знаешь.

— Но не обо мне.

— Да, я не поняла, что это был твой дом. Но я много лет пытаюсь к тебе подмазаться. Я осознала. Я раскаиваюсь. Ты всегда была мне нужна. Я просто не хотела страдать всю жизнь.

— А сейчас вдруг захотела? – фыркнула Муза.

— А сейчас я понимаю, что дело не только в страданиях. Невозможно писать одной эмоцией. Ты много лет играла со мной, но я на тебя не злюсь.

Она закатила красивые ярко-голубые глаза, формой напоминающие глаза лисы.

— Да, не злюсь, — повторила я с нажимом. – Я ведь такая же. Годами могу напоминать о чьих-то ошибках. Прости, что не поняла это много лет назад.

Полные капризные губы Музы дрогнули, и я поняла, что искренние извинения сработали. Как всегда срабатывали со мной.

— Что мне сделать, чтобы ты больше не злил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.